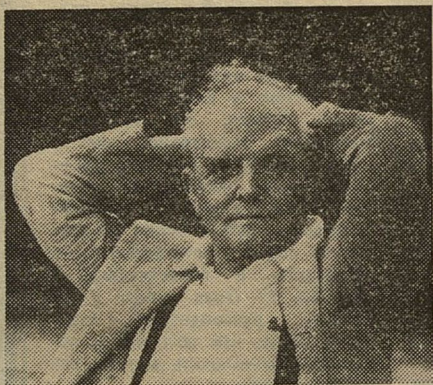

Мэрилин Монро была киноактрисой со всемирной славой. И тем не менее ни один из фильмов, в которых она играла, не стал событием в киноискусстве. Как такое могло случиться? Дело в том, что прославило Мэрилин отнюдь не ее актерское мастерство, которое кинокритиками ставилось под сомнение. Зрителям был интересен сам ее образ, ее характер. Она была явлением, далеко выходящим за рамки киноискусства. Не случайно стремились познакомиться с ней или хотя бы посмотреть на «живую» Мэрилин Монро люди, сами не обделенные известностью и вниманием публики — вплоть до глав государств. Этим объясняется и то, что ее неожиданная смерть в 1962 году, обстоятельства которой остались не до конца выясненными, породила легенды. Впрочем, и при жизни она была окружена туманным облаком слухов и выдумок. Какой же была на самом деле Мэрилин Монро? На этот вопрос пытались ответить многие, в том числе известный американский писатель Норман Мейлер, написавший о ней книгу. Лучше других, пожалуй, на него ответил Трумэн Капоте (1924—1984). Творчество этого американского писателя хорошо известно в нашей стране. На русский язык были переведены его повести «Голоса травы», «Обыкновенное убийство», «Самодельные гробики» и многие рассказы. Предлагаемый читателям портрет в виде беседы — незаурядное интервью, в котором на заранее составленные вопросы получают ожидаемые ответы. Это кусок жизни. Жизнь, переведенная в слова, становится литературой. Вроде бы просто. Но такой «перевод» дается не всякому. Для этого нужен талант. «Прелестное дитя» было напечатано в одном из американских журналов после смерти М. Монро и вошло в книгу документальной прозы Т. Капоте «Музыка для хамелеонов» (1980).

© Трумэн Капоте.

ВРЕМЯ: 28 апреля 1955 года.

МЕСТО: Церковь Универсального похоронного дома на углу Лексингтон-авеню и Пятдесят второй улицы, г. Нью-Йорк. Любопытное созвездие лиц заполняет скамьи: знаменитости, большей частью из мира театра, кино, литературы, пришедшие отдать последний долг Констансу Кольтер, родившейся в Англии актрисе, которая умерла накануне в возрасте семидесяти пяти лет.

Мисс Кольтер, начав свою карьеру в мюзик-холле, стала ведущей актрисой в пьесах Шекспира. Эмигрировав в Соединенные Штаты, она заняла видное место на нью-йоркской сцене и в Голливуде. Последние десятилетия жила в Нью-Йорке, где основала уникальную школу драматического искусства. Она принимала в качестве учеников только профессиональных актеров, причем обычно таких, которые уже стали «звездами». Кэтрин Хепберн была ее постоянной ученицей; другая Хепберн, Одри, также была протеже мисс Кольтер, как и Вивьен Ли. За несколько месяцев до своей смерти мисс Кольтер начала заниматься с Мэрилин Монро.

Мэрилин Монро, с которой меня познакомил Джон Хьюстон, когда она получила свою первую роль со словами в его фильме «Асфальтовые джунгли», пришла к мисс Кольтер по моему совету. Я знал мисс Кольтер, вероятно, лет шесть и всегда восхищался ею как женщиной выдающейся — внешне, эмоционально, творчески... Когда я познакомил ее с Мэрилин Монро, она сначала не очень-то заинтересовалась этим знакомством: ей уже начинало отказывать зрение, ни одного фильма с Мэрилин она не видела и не знала о ней ничего, кроме того, что та была «секс-бомбой» с платиновыми волосами, достигшей всепланетной известности. Словом, Мэрилин казалась ей совсем неподходящим материалом для ее классического стиля. Но я подумал, что они могут составить стимулирующую комбинацию.

Так и случилось. «О, да», — говорила мне потом мисс Кольтер, — в ней что-то есть. Она прелестное дитя. Я не имею в виду ее очевидную прелесть — очевидную для всех. Я совсем не считаю ее актрисой, во всяком случае, в традиционном смысле. То, чем она обладает — эта ее непосредственность, эта лучистость, этот мерцающий интеллект, — никогда не сможет проявиться на сцене. Все это слишком хрупко и тонко, это может схватить только камера. Это как полет колибри — только камера может запечатлеть поэзию полета. Но тот, кто считает, что эта девушка всего лишь еще одна Харлоу¹, тот сумасшедший. Кстати, о сумасшедших. Это то, над чем мы работали с ней: Офелия. Я знаю, многие пожмут плечами, услышав об этом, но я уверена, что она могла бы стать самой выдающейся Офелией. Я видела с Гретой Гарбо на прошлой неделе и сказала ей об этом, и она сказала, что может поверить в это, потому что видела два фильма с ней, дрянные и вульгарные фильмы, но тем не менее смогла понять возможности Мэрилин. Грета пришла в голову любопытная идея. Ты знаешь, что она хотела снимать «Дориана Грея»? Разумеется, с нею самой в главной роли. Так вот, она сказала, что хотела бы видеть Мэрилин в роли одной из девушек, которую соблазняет и губит Дориан. Грета! Такой талант! И тем не менее у нее есть что-то общее с Мэрилин, если хорошенько подумать. Конечно, Грета — непревзойденный художник, владеющий в полной мере собой. А это прелестное дитя не имеет ни малейшего представления о дисциплине и самопожертвовании. И все же я не верю, что она состарится, так и не раскрывшись. Абсурдно, но у меня такое чувство, что она всегда будет молодой. Я надеюсь, она проживет достаточно долго, чтобы успеть раскрепостить свой странный и такой при-

влекательный талант, который томится в ней, как пленный дух».

Но вот мисс Кольтер умерла, и я бродил по вестибюлю церкви, дожидаясь Мэрилин. Накануне вечером мы договорились по телефону встретиться здесь на панихиде, которая была назначена на полдень. Она опаздывала уже на полчаса. Она всегда опаздывала, но я подумал, подожду еще немного, в последний раз. Черт бы ее побрал! И тут вдруг она вошла, но я ее не узнал, пока она не сказала:

МЭРИЛИН: О, малыш, мне очень жаль, извини. Но, понимаешь, я уже нарядилась, и в последний момент подумала, может, все это неудобно, и наклеенные ресницы, и помада, и все остальное, и начала все смывать, а потом уже не знала, что мне надеть...

То, что было на ней надето и, по ее мнению, соответствовало торжественности случая, подошло бы и аббатисе женского монастыря для аудиенции у папы римского. Ее волосы были целиком скрыты под черным шарфом из шифона; длинное черное платье сидело на ней свободно и казалось позаимствованным с чужого плеча; черные шелковые чулки скрадывали красоту ее стройных ног. Аббатиса, конечно же, не надела бы таких эротических черных туфель на высоком каблучке и не нацепила бы черных совиных очков, которые только подчеркивали ванильную бледность свежей, как у молодяницы, кожи.

ТРУМЭН КАПОТЕ: Ты выглядишь прекрасно.

М. М. (кусая уже обкусанный ноготь большого пальца): Нет, правда? Я так нервничала.

Т. К.: Тсс... Это голос Сирила Ричардса, он начал речь.

На цыпочках мы вошли в переполненную церковь и втиснулись вдвоем на одно свободное сиденье в последнем ряду. Сирил Ричардс закончил. После него говорила Кэтрин Несбит, многолетняя партнерша мисс Кольтер. Затем к собравшимся обратился с речью Брайан Ахерн. Все это время Мэрилин периодически снимала очки, чтобы смахнуть слезы, текшие из серо-лубых глаз. Мне и раньше приходилось видеть ее ненакрашенной, но сегодня она предстала в совершенно новом облике, с лицом, которого я раньше не видел, и я не сразу понял, в чем причина. А-а! Все дело в этом черном шарфе. Со скрытыми локонами и без всякой косметики она была похожа на двенадцатилетнюю целомудренную девочку, только что привезенную в сиротский приют и оплакивающую свою долю. Наконец церемония окончилась, и собравшиеся начали расходиться.

М. М.: Давай посидим тут. Подождем, пока все уйдет.

Т. К.: Почему?

М. М.: Я не хочу ни с кем разговаривать. Я никогда не знаю, что сказать.

Т. К.: Тогда ты посиди здесь, а я подожду тебя на улице. Я хочу курить.

М. М.: Не уходи! О, боже! Кури здесь.

Т. К.: Здесь? В церкви?

М. М.: А почему бы нет? Ты что собираешься курить? Травку?

Т. К.: Очень смешно. Ну ладно, пошли.

М. М.: Ну, пожалуйста. Там еще полно фотографий. Я не хочу, чтобы меня снимали в таком виде.

Т. К.: Могу тебя понять.

М. М.: Но ты же сам сказал, что я выгляжу прекрасно.

Т. К.: Ты выглядишь прекрасно для роли невесты Франкенштейна.

М. М.: Теперь ты смеешься надо мной.

Т. К.: Разве я смеюсь?

М. М.: Ты про себя смеешься. А это хуже, чем если бы ты смеялся открыто. (Хмурится, кусая ноготь). Конечно, мне не стоило смывать грим. Все пришли накрашенные.

Т. К.: Я тоже кое-что накрашил.

М. М.: Я серьезно. И волосы. Мне нужно было подкрасить волосы. Совсем не было времени. Все так неожиданно случилось. Я имею в виду мисс Кольтер. Понимаешь?

Она сдвинула шарф с головы и, отделив прядь, показала волосы, темные у основания.

Т. К.: Святая простота! А я-то всегда думал, что ты натуральная блондинка.

М. М.: Так и есть. Только таких натуральных не бывает. А вообще, пошел ты, знаешь куда...

Т. К.: О'кей. Все уже разошлись. Пошли.

М. М.: Фотографы еще там, я знаю.

Т. К.: Если они не узнали тебя, когда ты вошла, не узнают и сейчас.

М. М.: Один узнал меня. Но я юркнула в дверь, и он не успел снять меня.

Т. К.: Тут должен быть какой-нибудь

другой выход. Мы выйдем через заднюю дверь.

М. М.: Я боюсь покойников.

Т. К.: При чем тут покойники?

М. М.: Но это же похоронное заведение. Может, они у них там где-нибудь хранятся. Мне только этого сегодня не хватало — войти в комнату, полную покойников. Потерпи. Мы найдем куда-нибудь, и я куплю бутылку шипучки.

Мы продолжали сидеть и разговаривать. Мэрилин сказала: «Я ненавижу похороны. Я рада, что мне не нужно будет присутствовать на собственных. Только я вообще не хочу похорон. Пусть мой пепел развеет над водой кто-нибудь из моих детей, если они у меня будут. Я бы не пришла сегодня, если бы мисс Кольтер не заботилась так обо мне. Она была мне, как бабушка. Строгая бабушка, но она многому меня научила. Она учила меня, как дышать. Это нужно не только для сцены, бывают и другие случаи, когда дыхание — проблема. Когда я услышала о том, что мисс Кольтер умерла, я подумала: что же будет с Филлис? Ведь она всю жизнь посвятила мисс Кольтер. Но я слышала, она будет жить у мисс Хепберн². Ей повезло. Я бы, не думая, поменялась с ней. Мисс Хепберн великая женщина. Я бы хотела с ней дружить. Я бы могла тогда приходить к ней и... ну, я не знаю, просто приходить в гости».

Мы говорили о том, что оба любим Нью-Йорк и ненавидим Лос-Анджелес («Хотя я и родилась там, я не могу вспомнить ничего хорошего об этом городе. Стоит мне закрыть глаза и представить Лос-Анджелес, как я вижу одну огромную ватрикозную вену»); мы говорили об актерах и актерской игре («Все говорят, что я не умею играть. То же самое говорят и про Элизабет Тейлор. Но это неправда. Она была великолепна в «Месте под солнцем». Мне, наверно, никогда не удастся получить роль, какую я хочу. Из-за моей внешности. Она специфическая»); мы немного поговорили о Элизабет Тейлор, и она спросила, знаком ли я с ней, и я сказал, знаком, и она спросила, какая она, какая она на самом деле, и я сказал, она немного напоминает тебя, так же носит сердечко на рукаве и так же любит соленые словечки, и Мэрилин сказала, катись ты... и спросила, если меня кто-нибудь спросит, какая Мэрилин Монро на самом деле, что я отвечу, и я сказал, мне надо подумать.

Т. К.: Ну как, можем мы наконец, черт возьми, выйти отсюда? Ты обещала мне шампанское, не забыла?

М. М.: Я помню. Но у меня нет денег.

Т. К.: Ты вечно опаздываешь, и вечно у

тебя нет денег. Не воображаешь ли ты случайное, что ты королева Елизавета?

М. М.: Кто?

Т. К.: Королева Елизавета. Королева Англии.

М. М. (хмурясь): При чем здесь эта баба?

Т. К.: Королева Елизавета никогда не носит с собой денег. Ей запрещено. Грязные бумажки не должны пачкать королевских рук. На этот счет есть что-то вроде закона у них.

М. М.: Я хочу, чтобы такой закон издали для меня.

Т. К.: Продолжай в том же духе, может быть, и издадут.

М. М.: Ладно. А как она расплачивается за покупки? Ну, когда идет в магазин.

Т. К.: Ее фрейлина носит за ней мешок с медяками.

М. М.: Ты уверен? Бьюсь об заклад, ей все достается даром. В обмен на автограф.

Т. К.: Вполне возможно. Я бы ничуть не удивился. По заказу Ее Величества. Борзые щенки. И все, что есть в универсаме «Фортнум и Мейсон». Ночные горшки, например...

М. М.: Послушай, а у тебя нет денег?

Т. К.: Долларов пятьдесят, может, и наберется.

М. М.: Этого вполне нам хватит на шипучку.

Когда мы вышли, на Лексингтон-авеню никого не было, кроме безобидных прохожих. Было около двух часов. Прекрасный апрельский денек, какого можно только пожелать, идеальная погода для прогулок. Мы пошли по направлению к Третьей авеню. Некоторые прохожие оборачивались, но не потому, что узнавали ее, а из-за ее траурного наряда. Заметив это, она рассмеялась тем своим особым тихим смехом, который звенел, как колокольчики на цирковом фургане. «Может, мне нужно

ПРЕЛЕСТНОЕ

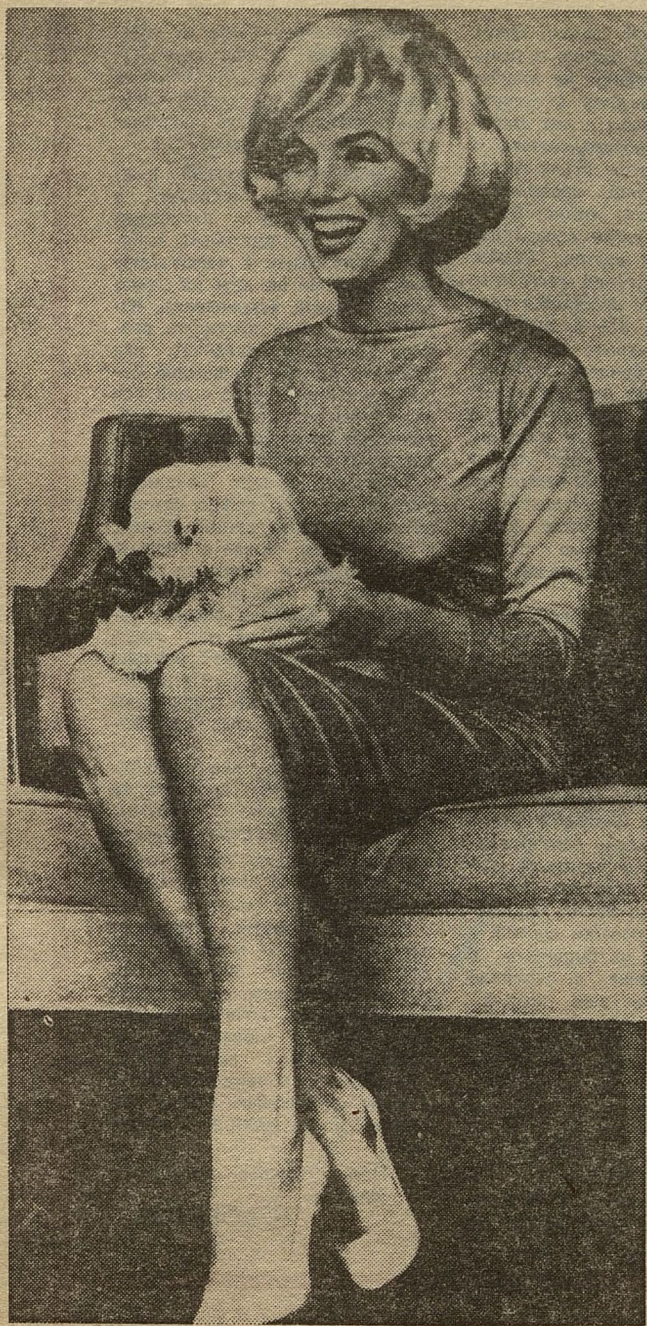
постоянно носить траур. Совсем неузнаваема».

Когда мы приблизились к бару П. Дж. Кларка, я предложил зайти, но она запротестовала: «Там всегда полно этих газетчиков. И там наверняка сейчас эдак противная Дороти Килгаллен. Что происходит с этими крестинами? Они надираются хуже индейцев».

Я счел своим долгом вступить за Килгаллен, как-никак мы с ней друзья. Я осторожно заметил, что она неглупая и веселая женщина. Мэрилин сказала: «Может, это и так, но я ей никогда не прощу того, что она напела обо мне. Все эти писаки в юбках ненавидят меня... я знаю, ты привык к этому, а я не могу привыкнуть. Меня это задает. Что я им сделала? Единственный, кто написал хоть одно доброе слово обо мне, это Сидни Скольски. Но он мужчина. Мужчины ко мне хорошо относятся. Они видят во мне человека. По крайней мере не отрицают, что я человек. И Боб Томас — джентльмен. И Джек О'Брайан».

¹ Кларисса Харлоу — героиня романа английского писателя С. Ричардсона (1689 — 1761). «Кларисса». Здесь — падшая женщина.

² Имеется в виду актриса Кэтрин Хепберн.

наши публикации

НА СНИМКАХ

сверху справа:
● Мэрилин Монро за три недели до смерти.

внизу слева:

● Мэрилин Монро в фильме «Неприкаянные» по сценарию Артура Миллера.

● Мэрилин Монро мечтала сыграть Грушеньку в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского.

ДИТЯ

Мы рассматривали витрины антикварных лавок. В одной витрине были выставлены старинные кольца, и Мэрилин сказала: «Симпатично. Гранат с мелким жемчугом. Я бы хотела носить кольца, но я ненавижу, когда обращают внимание на мои руки. Они слишком пухлые. У Элизабет Тейлор тоже пухлые руки. Но с ее глазами кто обратит внимание на руки? Я люблю танцевать перед зеркалом и смотреть, как подпрыгивают груди. С этим у меня все в порядке. Но мои руки мне не нравятся».

В другой витрине стояли красивые старинные часы. Она сказала: «У меня никогда не было дома. Настоящего дома, с моей собственной мебелью. Если я когда-нибудь снова выйду замуж и разбогатею, я найму пару грузовиков, приеду на Третью авеню и буду покупать все, что мне понравится. Я куплю дюжину таких часов и поставлю их все в одной комнате, чтобы они тикали все сразу. Будет здорово, как ты считаешь?».

М. М.: Посмотри! На той стороне улицы!

Т. К.: Что там?

М. М.: Видишь вывеску с пальмой? Это, наверно, заведение гадалки.

Т. К.: Ты хочешь зайти?

М. М.: Давай заглянем.

Заведение имело малопривлекательный вид. Через мутное стекло витрины мы смогли разглядеть голую комнату и цыганку с огромной копной волос, сидящую в полотняном складном кресле. Красная лампа под потолком освещала ее сверху зловещим светом. Она вязала детские пинетки и не обращала на нас внимания. Мэрилин уже собралась было войти, но тут же передумала.

М. М.: Иногда мне хочется узнать, что случится со мной. Но все-таки, я думаю, лучше не знать. Хотя есть две вещи, которые я хотела бы знать. Первая — смогу ли я похудеть.

Т. К.: А вторая?

М. М.: Это секрет.

Т. К.: Ладно тебе. У нас нет сегодня секретов. Сегодня день скорби, а скорбящие должны делиться самыми тайными мыслями.

М. М.: Ну, хорошо. Это мужчина. Есть кое-что, что я хотела бы знать. Но это все, что я могу тебе сказать. Это на самом деле секрет.

Я подумал: это ты так считаешь, а я все равно узнаю твой секрет.

Т. К.: Я покупаю шампанское.

Мы свернули на Вторую авеню и вошли в ярко раскрашенный и совершенно пустой китайский ресторан. Бар был заставлен всевозможными напитками. Мы заказали бутылку французского шампанского. Шампанское принесли охлажденным и без ведерка со льдом; мы пили из высо-

ких бокалов, куда кляли кубики льда.

М. М.: Смешно. Как будто ты в Китае. А в «Ниагаре» — как будто на Ниагаре. Везде подделка, фальшь.

Т. К.: И так, я готов выслушать повесть о твоём тайном любовнике.

М. М.: (Молчание).

Т. К.: (Молчание).

М. М.: (Смеется).

Т. К.: (Молчание).

М. М.: У тебя столько знакомых женщин. Кто самая привлекательная из тех, кого ты знаешь?

Т. К.: Барбара Пейли. Вне конкуренции.

М. М.: (хмурясь): Это та, которую все зовут «Бейб»? Я видела ее снимки в «Вог». Она так элегантна. Красива. Стоит только посмотреть на ее фотографию, чтобы почувствовать себя замарашкой.

Т. К.: Она бы очень удивилась, услышав это. Она ревнует к тебе.

М. М.: Ревнует ко мне? Ты опять смеешься.

Т. К.: Нисколько. Она действительно ревнует.

М. М.: Но почему?

Т. К.: Потому что кто-то из газетчиков, я думаю, это была Килгаллен, написал что-то вроде того: «Ходят слухи, что миссис Ди Маджио³ встречается с одним из самых влиятельных телевизионных магнатов — совсем не для обсуждения деловых вопросов». Она прочитала это и поверила.

М. М.: Поверила чему?

Т. К.: Тому, что у ее мужа роман с тобой. Уильям С. Пейли. Самый влиятельный телевизионный магнат. Известно, что он неравнодушен к блондинкам. Впрочем, к брюнеткам тоже.

М. М.: С ума сойти! Я никогда в глаза не видела этого типа.

Т. К.: Брось темноту. Мне ты можешь довериться. Твой тайный любовник — это Уильям С. Пейли, не так ли?

М. М.: Нет! Это писатель. Он писатель.

Т. К.: Похоже, что это так. Это уже кое-что. Значит, твой любовник писатель.

Должно быть, какой-нибудь халтурщик, иначе ты не стеснялась бы называть его.

М. М.: (разозлившись не на шутку): А что значит «С»?

Т. К.: Какое «С»?

М. М.: Ну, ты сказал: Уильям С. Пейли.

Т. К.: А-а, это «С». Ничего не значит. Он вставил его для солидности.

М. М.: Просто буква и никакого имени за ней? У этого Пейли, наверно, с головой не все в порядке.

Т. К.: Теперь послушай. Мы заключим с тобой сделку. Я расскажу тебе одну историю, и, если ты сочтешь ее интересной,

тогда мы обсудим твоего друга-писателя. М. М. (немного заинтригованная): О чем твоя история?

Т. К.: Об Эрроле Флинне.

М. М.: (Молчание).

Т. К.: (Молчание).

М. М. (ненавидя себя за любопытство): Ладно, рассказывай.

(Т. К. рассказывает об одной вечеринке, происходившей в 1943 году, в которой участвовали, среди прочих, Эррол Флинн и он сам).

М. М.: Ну, и как ты ценишь эту историю? Я ее оцениваю один к десяти.

Т. К.: Честно сказать, если бы не Эррол Флинн, я бы и не вспомнил об этом.

М. М.: Никакой тут даже истории нет. В обмен на это ты хочешь получить неизмеримо больше.

Т. К.: С тобой очень трудно торговаться.

М. М.: Расскажи что-нибудь на самом деле интересное из своей жизни.

Т. К.: Самое интересное? А может, ты сначала ответишь на мой вопрос?

М. М.: И он еще говорит, что это со мной трудно торговаться! Ха! Джо неплохой мужик. Еще в форме. Если бы дело было только в этом, мы бы не разошлись. Я все еще люблю его. Он настоящий.

Т. К.: Мужья не в счет. В нашей игре не в счет.

М. М. (кусает ноготь, задумавшись): Ну, хорошо. Я встретила мужчину, он какой-то родственник Гэри Купера. Биржевой маклер и не очень-то видный из себя — шестьдесят пять лет, очки с толстыми стеклами. Как медузы. Я не знаю, что это было, но...

Т. К.: Стоп. Все это я уже слышал от кого-то другого. Этот старый донжуан действительно существует. Его зовут Пол Шилдс. Он приемный отец Гэри Купера. Говорят, он потрясающий.

М. М.: Так и есть. Ну, ладно, всезнайка. Теперь твоя очередь.

Т. К.: Забудь об этом. Я не должен тебе ничего. Потому что я знаю, кто твое так тщательно скрываемое чудо: Артур Миллер. (Она сняла темные очки. О, если бы взгляды могли убивать!) Я это понял сразу, как только ты сказала, что он писатель.

М. М. (заикаясь): Но как? Ведь никто... Вряд ли кто-нибудь...

Т. К.: Три или четыре года тому назад Ирвинг Дратмен...

М. М.: Ирвинг кто?

Т. К.: Дратмен. Он работает в «Геральд трибун». Он рассказал мне, что ты флиртуешь с Артуром Миллером. Буквально виснешь на нем. Я не заводил с тобой об этом разговор, потому что я джентльмен.

М. М.: Джентльмен! Ты ублюдок. (Снова заикаясь, но очки уже на месте). Ты не понимаешь. Это было давно и прошло. Сейчас все совсем по-другому и...

Т. К.: Не забудь пригласить меня на свадьбу.

М. М.: Если ты скажешь еще хоть слово, я убью тебя. Я знаю пару мужчин, которые будут рады оказать мне такую услугу.

Т. К.: Я ничуть не сомневаюсь в этом. М. М.: Я хочу уйти отсюда к черту.

Т. К.: Извини, если я тебя расстроил.

М. М.: Я не расстроилась.

Она все-таки расстроилась. Пока я расплачивался, она ушла в туалет. На стойке бара я увидел газету и взял ее, чтобы почитать. Газета была на китайском языке. По прошествии двадцати минут я решил пойти на разведку. Черт знает, что с ней могло там произойти. Я нашел нужную дверь и постучал. Она сказала: «Войдите». Я вошел. Она стояла перед плохо освещенным зеркалом и рассматривала свое отражение. Я спросил: «Что ты тут делаешь?» Она ответила: «Смотрю на нее». На самом деле она красила губы ярко-красной помадой. Кроме того, она сняла свой мрачный шарф и расчесала блестящие и тонкие, как сахарная «вата», волосы.

М. М.: Надеюсь, у тебя остались деньги.

Т. К.: Смотря для чего. Если ты хочешь получить жемчуга в качестве контрибуции, то, пожалуй, не хватит.

М. М. (смеясь, снова в хорошем настроении. Я решил больше не упоминать Артура Миллера): Нет. Всего только на такси.

Т. К.: Куда мы едем — в Голливуд?

М. М.: Нет. В место, которое я люблю. Узнаешь, когда мы приедем туда.

Мне не нужно было ждать так долго. Когда мы поймали такси и она сказала

шоферу, чтобы он ехал к пирсу на Южной улице, я подумал: не оттуда ли отправляются парома на Стейтен-айленд? И вслед за этим мне пришло в голову: она после шампанского свихнулась.

Т. К.: Я надеюсь, мы не в плавание отправляемся? Я не захватил таблетки от укачивания.

М. М. (весело смеясь): Всего лишь на пирс.

Т. К.: Могу я спросить, что ты там забыла?

М. М.: Мне нравится там. Там пахнет морем и можно кормить чаек.

Т. К.: Чем кормить? У тебя ведь нет ничего.

М. М.: А вот и есть. У меня полная сумка печенья. Я в ресторане стащила.

Т. К. (подначивая): Понятно. Пока ты уходила, меня могли арестовать. Ты на это и рассчитывала?

М. М.: Да брось ты! Из-за вонючего печенья?

Т. К.: Чайки, я думаю, не побрезгают.

Наш маршрут пролегал через Бауэри. Небольшие ломбарды и донорские пункты, ночлежки, где за койку берут пятьдесят центов, и мрачные маленькие отели, бары для белых и бары для черных, и везде бездельники, молодые, не очень молодые и совсем старые, бездельники, сидящие на корточках среди битого стекла и мусора, подпирающие косяки в раскрытых дверях и стоящие кучками, как пингвины, на углах улиц. Когда мы остановились перед светофором, красноносое пугало кинулось к нам и начало протирать переднее стекло мокрой тряпкой, зажатой в дрожащей руке. Таксист обложил его громкими ругательствами по-итальянски.

М. М.: Что это? Что случилось?

Т. К.: Он хочет немного заработать.

М. М. (закрывая лицо сумочкой): Как ужасно! Я не могу смотреть на это. Дай ему что-нибудь. Скорее. Ну, пожалуйста. Но таксист уже рванул с места, чуть не сбив несчастного старика. Мэрилин плакала.

М. М.: Меня тошнит.

Т. К.: Хочешь домой?

М. М.: Все, все испорчено.

Т. К.: Я отвезу тебя домой.

М. М.: Подожди. Я сейчас успокоюсь.

Тем временем мы приехали на Южную улицу, и на самом деле вид парома у пирса, силуэт Бруклина на той стороне и летающие зигзагами чайки, белые на фоне морского горизонта, очень скоро успокоили ее.

Выйдя из такси, мы увидели мужчину с чау-чау на поводке, идущего к парому.

Когда мы поравнялись с ним, моя спутница остановилась, чтобы погладить собаку.

Мужчина (твердо, но не враждебно): Нельзя гладить незнакомых собак. Особенно чау. Они могут укусить.

М. М.: Меня никогда не кусают собаки. Только люди. Как его зовут?

Мужчина: Фу Манчжу.

М. М. (смеясь): Как название фильма. Остроумно.

Мужчина: А как вас зовут?

М. М.: Мэрилин.

Мужчина: Я так и подумал. Моя жена не поверит. Не могли бы вы дать автограф?

Он достал визитную карточку и ручку; положив карточку на сумку, она написала: «Благослови вас бог — Мэрилин Монро».

М. М.: Спасибо.

Мужчина: Вам спасибо. Вот удивится, когда я покажу это на работе!

Мы дошли до конца пирса и слушали шум волн, разбивающихся о его основания.

М. М.: Когда-то я сама выпрашивала автографы. Иногда я все еще прошу.

В прошлом году Кларк Гейбл сидел за соседним столиком в ресторане, и я попросила его надписать салфетку.

Прислонясь к причальной стойке, она демонстрировала свой профиль: Галатея, обрезающая еще не завоеванные пространства. Бриз трепал ее волосы, и, когда она поворачивала голову в мою сторону, казалось, ее поворачивал все тот же бриз.

Т. К.: Когда же мы будем кормить чаек? Я тоже голоден. Поздно уже, и мы ведь ничего не ели с утра.

М. М.: Помнишь, я спросила тебя, что бы ты сказал, если бы у тебя спросили, какая я, какая Мэрилин Монро на самом деле, как бы ты ответил? (Ее тон был насмешливый, но в то же время и серьезный: она хотела искреннего ответа).

Бьюсь об заклад, ты бы сказал, что я бездарность. Банановая кожура.

Т. К.: Конечно. Но еще я бы сказал...

Дневной свет уходил. Казалось, она тоже блекнет вместе с днем, сливается с небом и облаками, уходит. Мне хотелось крикнуть, чтобы перекричать крики чаек, позвать ее: Мэрилин! Мэрилин, почему все должно происходить так, а не иначе? Почему жизнь должна быть такой паршивой?

Т. К.: Я бы сказал...

М. М.: Я тебя не слышу.

Т. К.: Я бы сказал, что ты прелестное дитя.

Перевел с английского А. Гаврилов.

³ М. Монро была замужем за «звездой» бейсбола Джо Ди Маджио.